

УДК: 114: 130.3

Облова Л.А.

Національний педагогічний університет ім. М.П.Драгоманова

**ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАНИЦ НЕПРИКАЯННОСТИ
(ИДЕЯ МЫТАРСТВА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)**

(начало)

В статье реализовывается попытка прикоснуться к метафизике телесности, сообразно структуры дома, сквозь которую сказывается «устройство» человека. Речь идет о сущностном пространстве человеческого движения в живом круге естества. О предельной способности человека быть неестественно в естественном. Поэтому, на основании онтологически осмысленного феномена неприкаянности, автор предлагает осознать суть категорического сосуществования родителя и ребенка под единой крышей и на едином фундаменте, при необходимости не давать друг другу, а не кому-то одному, «спуска». Усилие делается на идеи мытарства Ф.М.Достоевского, что соответствует пониманию границ бесприютности.

Ключевые слова: метафизика телесности, неприкаянность, дом, родитель, сын, блуждание, дом Карамазовых.

Облова Л.А. Осмислення границь поневірян (ідея блукання Ф.М. Достоевського) В статті реалізується спроба розглянути метафізику тілесності відповідно до структури дому, яка показує «конституцію» людини. Мова йде про сутнісний простір людського руху в живому крузі ества. Про граничну здібність людини бути неприродним в природному. Тому, на підставі онтологічного осмислення феномену неприкаяності, автор пропонує усвідомити суть категоричного співіснування батьків і дітей під спільним дахом, при необхідності неупередженої вимогливості щодо один одного. Наголос робиться на ідеї поневіряння Ф.М.Достоевського, що відповідає розумінню границь безпритульності.

Ключові слова: метафізика тілесності, безпритульність, дім, батько, син, блукання, дім Карамазових.

Oblova L. Reflection of the boundaries of uncertainty (the idea of the ordeal of F. Dostoevsky). The article attempts to touch the metaphysics of corporeality, according to the structure of the house, through which the "device" of a person is affected. It is about the essential space of human movement in the living circle of nature. The ultimate ability of man to be unnatural in the natural. Therefore, on the basis of an ontologically meaningful phenomenon of restlessness, the author suggests to realize the essence of the categorical coexistence of the parent and child under a single roof and on a single foundation, if necessary, not to give each other, and not just one person, a "descent". The effort is made on the ideas of the ordeal of FM Dostoyevsky, which corresponds to an understanding of the boundaries of homelessness.

Key words: metaphysics of corporeality, restlessness, home, parent, son, wandering, house of Karamazovs.

Я не приму за венец желаний моих – капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске.

Ф.М.Достоевский

Дом – самая «выгодная выгода» человека. «Хотенье»¹, проявляющее всё человеческое естество и удовлетворяющее не одну или другую, а «всю» способность мыслящего существа жить. Таким образом, одним из изначальных способов человеческого мира есть необходимость жить «домом» – быть телесно. А дом нужен не иначе как, и в основном, для того, чтобы иметь место для сна. Дом – не тыл, а храм. То есть, не имея возможности не спать, человек владеет непосредственным намерением быть при месте, где постоянно и последовательно наступает покой.

Так как мизософическую неумность человека разделять, растаскивать, разлагать, выделывать и т.п. не отменить, то идея дома однажды реализовалась в структуру, отдаленно напоминающую дом. И воплотилась как система, состоящая из множества локальных жилищ, которые разделены дворами, парками, аллеями, скверами и т.п., и которые, в свою очередь, соединены улицами. И где в обязательном порядке отведены места рынку и кладбищу, как отданная честь хаосу и прошлому. Так обрел житиё город, а человек пошатнул свою сущностную оседлость. Трудней всего в структуре города говорить о храме. Любой храм стоит «особняком» и не понять, храм заключен городом или городу позволено быть благодаря храму?

Однажды «вытворив» идею дома и дав жизнь городу, человек сам себя выбросил из первозданной «обители» и уже, будучи изгнанным, затосковала по изначальному уюту и родству. Город пошит поисками утраченного «гнезда». Тоской по «хрустальному зданию» (Достоевский). Горожане время от времени склеивают изначальное состояние жить целостно, согласованно, а не «островами» (то там, то сям и как-нибудь). И, вынуждая «домность» вернуться, только сами изворачиваются, демонстрируя собственную обреченность жить замкнутыми пространствами. Привлеченная идея неизбежно воплощается в образе натасканных отдельностей и укрепляет характер города: быть пространством (пунктом), разделенным ограниченным пространством (пунктиками). То есть местом-центром, состоящим из отдельных территорий, где каждый район имеет свою особенность. Проще говоря, город – это нагромождение «кромс», соединенных рассечениями.

Не смотря на то, что В.Малахов полагает, что город – это тайна, и что каждый город «имеет свою метафизику» [1, 312-313], думается, что город состоит из загадок (уловков) и не способен содержать Тайну. Именно «полисная» (политическая), то есть разорванная, обособившаяся и конкретно действующая сущность города, оттолкнувшись

---

¹ Отмечу, что «хотенье» здесь подразумевает не желание человека, а его созидательное притяжение. Иначе говоря, то, что не поддается классификации и систематизации. По мнению Ф.М.Достоевского, это собственно человеческое.

от идеи дома, сошла с основания, покинула пределы «родины» и затаила в себе принципиально «откатное мышление». А с ним и присущую горожанам «зажатость»². Поэтому жителям города покоя не видать и о близости не слышать.

Покой – это санкция на сон, полученная в том случае, когда все находится на месте. Как верно заметил М.Хайдеггер: «если мыслить по существу, покой является не потерей, а собиранием движения, таким собиранием, которое только из себя самого и посылает движение, и в этом посылании не только отпускает и отсылает движение, но и удерживает его». [2, 146]. Таким образом, покой не статичен. Он не отдельное место, не отдел по отдаче отнятой «крепости». Это состояние-пространство, когда ты стоичен, нерушим, не растерян. То есть бытийствуешь, есть «весь», неделимым пространством. При этом не громоздок и не тучен. Не стоит думать, что истинный дом, где есть возможность подлинного отдыха и настоящего наполнения необычной силой – это избушка на курьих ножках, которая, оставаясь собой, крутится по приказу, услышанному извне. В благоустроенном обиталище суть волшебства другая. Примечательно, что в основательном доме оборачивается не жилище, а сам дом устроен таким образом, что в нем крутится жизнь (живость). Этот устрой («учин», «налад») не колдовской, а «человеческий». В совершенном доме несущая стена – это сущность. Фундамент – основание. Покров – одиночество. Окно – текст. Дверь – стремление. Очаг – смысл. Крепежная деталь – вкус. Остальное – соседи. Все развалить хватает раз. А «за разом» – бессонница...

Итак, форма дома прояснилась. Обозначилось то, что нерасчленено (неизменно) на уровне первоначального опыта. Таким образом, город – это громадящий (преувеличенный) дом. Неестественно большая местность для проживания. Сектор перспективы. «Жилье» с прохудившейся крышей, шатким фундаментом и отсутствием дверей, окон и крепежных деталей. Строго говоря, данность, которая «холодно» и беспорядочно руководит отношениями всех своих «домочадцев». Поэтому в городе «человек без дома» (т.е. без тела, формы) способен выжить.

Человек без собственно человеческого – на редкость невыносимое состояние. Но сегодня оно расплзается с невероятной скоростью и набирает энергию «выноса» духовности. Современник предпочитает быть бездомным (безобразным) и слоняться где попало, а возвращение домой расценивает как сюрприз, а не долженствование. Растягивая образ жизни в образ-ину и сжимая душу в душонку, люди сами, сквозь бродяжничество, лишают себя основания и, превращаясь в духовных приживальщиков, хуже бомжей, отличающихся чужим, ужасающим видом.

Современный человек – молодой человек – переживает незнакомое до селе состояние жизни в «курятнике»³. То есть миг заброшенности в «город», при этом не

---

² К слову, противоположностью зажатости есть расхождение. А расхождение – это роспуск (растасовка, разврат) себя восвосяи.

³ Заметим, что в «Записках из подполья» Ф.Достоевский проводит мысль о том, что для человека неестественно принимать временное жилье за идеал (даже если оно и является неким спасением-прибежищем). Такое

выброшенности из «родного дома». Рассмотрим происходящее: деревенский житель бежит в провинцию, провинциал в столицу, а уроженец столицы скупает территории или в деревнях или размером с деревню и мало кто возвращается домой (обращается в изначальность). Молодой человек – гость (жалец) отцовского дома.

В современном мире ребенка ждут домой, но не по-настоящему, как надлежит – навсегда, а только на побывку. Да и ребенок не хочет возвращаться, так как, в то время как родной дом наполняется сыновним отсутствием, временное жилье оказывается достаточным и становится условным домом. «Отцы» в сей момент, испытывают удручающую радость за побег детей к «лучшей» жизни и угнетены не покидающим подспудным чувством понимания того, что сын вне отцовского дома подвержен состоянию бездомности. Даже (особенно!) если он спит в пендхаусе. Родители и хотят вернуть ребенка, и понимают, что возврату места нет. Ребенок тянется домой и понимает, что возврат – абсурден.

Обращаясь к состоянию бездомности, заполонившую современность и завуалировавшую себя внутренне шатким и внешне представительным благополучием, можно попытаться понять, что сулит жизнь под чужой крышей. Сказанное обращение определяет цель статьи: попытаться установить предел неприкаянности, бесприютности. И помогут нам братья Карамазовы. В особенности Дмитрий Карамазов.

Карамазов-отец сделал все возможное для того, чтобы организовать собственное убийство в доме, который считал родным, но который в действительности был им не «построен», а «вырван». Стоит тщательно всмотреться в последовательность всех его «стараний». Это даст основание уловить предназначение бездомности и состояние людей попавших в бесприютное положение. А также откроет возможность с одной стороны, уберечь отцов от распутности, жажды сколачивания и выколачивания безотрадного «состояния» (т.е. отравляющего наличия, существования). С другой, уберечь детей от возмездия, собиравшим их мысли вокруг воздаяния.

Феномен неприкаянности, бесприютности волнует каждого живого человека. Не потому, что «квартирный вопрос» самый злободневный из всех земных вопросов. Скорее случание изгнания (заброшенности, выброшенности, извлеченности), таит в себе вечно длящийся феномен раскаивания за то, что ослушались Отца, не осознали сути Отцовского запрета и сами вынудили себя на «уход» вне однозначного блага. Каждый человек обречен изгонять, так как «конечность» (изгнание) присуща человеку как таковому. Это безусловное требование воздаяния или должный «скачок» бытия, свидетельствующий о недостижимости человеком совершенства при одновременной неприязни ко всему падшему. Но как исполнить «жуткое» достойно и по-человечески? Как отпустить, не отталкивая? То есть, оттолкнув удержаться? Что это за отношение толчка от-себя?

Попробуем переступить через порог дома бытийствующего человека. Известно, что дома нет без фундамента, крыши, несущей стены, окна, дверей, крепежных деталей и очага. Выпадение одной из компонент невозможно, так как сооружение становится чуланом, бункером, палаткой... Чем угодно напоминающим дом, но не домом. Так же планировка, комнаты, наличие (отсутствие) «глазка» в двери, отделка стен и т.п. – необходимо понимать как детали дома, которые стоит не замечать.

Сознательно обращаясь к опыту Федора Михайловича Достоевского, предполагается, что он воплощение настоящей неприкаянности и личным опытом передает как опасность компромиссной бесприютности (приспособленческой суматохи), так и зловещесть полной «бес-кровности» (абсолютного беспокойства).

Специфика обозначившейся цели статьи, а так же попытка осмыслить идею дома из собственного опыта и сквозь предназначение героев Достоевского, определяет задание статьи: показать, что феномен бездомности объективно лишает человека «храма» (особенного места) и не просто ссорит (вводит в блуд) родных, а несет в себе установку на самоуничтожение. Одним словом, предлагаю всмотреться в то, как тлит бесприютность.

Бездомность – порождение распутицы и проводник несчастья. Она разруха неприкасаемого и всегда сопровождается катастрофой (переворотом). Вот и братья Карамазовы – люди, выжитые из родного дома и выжившие без необходимой близости, – живут наперекосяк. Это сыновья, вынужденные с детства жить не под родной крышей. Первая «изнанка» семьи Карамазовых в том, что родные дети Карамазова-отца живут не под отцовской крышей, а приёмный сын – живет там, где должно жить родным. И все же Смердяков тоже живет не под родной крышей. Обратим внимание: Иван живет под крышей казенного дома, Митя под крышами дальних родственников, Алеша – под покровом монастыря, а Смердяков – под чужой кровлей, под «потолком». Все дети неслучайно проходят сквозь дворовую избу слуги. Это своеобразный «экзамен» на «низенькое», на выдержку побывать пешкой, прежде чем «сделать ход» и испытать свободу.

Все дети Карамазова, кроме Алеши, в результате «полученной» свободы обретают не человеческие кровы. То есть учреждения, заложенные для «отдаляющихся» (помутненных). Тех, которых изолируют от человечества. Бедлам, тюрьма и «потолок» – становятся каждому из братьев «по делом» последним пристанищем. «Ускользнуть» (соскользнуть со сложившейся ситуации) удастся только младшему ребенку, рожденному от женщины феноменально смиренной и воспитанному благородными и необыкновенными людьми. То, куда попали дети, под чье покровительство – важный акцент.

Остаточный кров Алеши не нечеловечен (преодолевающий человеческое), а бесчеловечен (отсутствие человека), свободен. Его «одинокость» в «конце концов» не принужденно. Поэтому он не принимает навязанной свободы и ограничивается храмом. Алексей смиренно уходит от людей. Он устремлен туда, где их нет, но всегда обещает вернуться. Сомневается в его клятве только тот, кто считает бедлам, тюрьму и «потолок» домом – то есть жильем пригодным для бытности. А значит способен забыть предшествующее (безусловность) и не забыть обиды попадания в условный хором.

Но стоит отметить, что возвращение Алеши – это не освобождение блудного Мити, восстановленного в правах за счет лишения свободы. И не выздоровление полоумного Ивана, лишившего себя свободы через полный отказ от необходимости. И тем более не молчаливое заупокойное воспоминание о рабе Смердякове. Этим троим, как раз возврата нет. Их уход конкретен. Хотя у Мити еще есть шанс, ведь его основание искалечено, но не уничтожено. А вот Смердяков необратим, так как «нетствует» физически, буквально. Иван, в свою очередь, духовно, метафизически. И снова, если Иван присутствует хотя бы физически, то Смердякова нет и духовно. Ивану разрешено еще какое-то время бредить и проговаривать истину, не смотря на то, что окружающие будут четко понимать, что он несет чушь. Смердяков же растворился, убыл, исчез. Как будто бы и не был вовсе.

Уход Алеши отличается от всех представленных удалений. Это движение не куда-то безвозвратно, а необратимо собирательное, посылающее. То есть откровенное, а не накопительное. Это ход в вечность, путь нацеленный на всечеловеческую помощь. Основанием Алешиного движения есть не покинутость и убыль, а полное и проводящее одиночество, всеохватывающая свобода, внемлющая человеческую вездесущность. И так, второй «изнанкой» дома Карамазовых – есть нужда сыновей двигаться дорогой, заводящей в тупик. Тающей во времени.

Выходит, что обитель Карамазова – основание детям разойтись и растеряться. Родные дети – изгнанники отца, приемный сын – примкнувший к родителю. Несчастливы – все, кроме Алеши. Он страдает. Действительно все дети Федора Павловича еще с детства «поселенцы» забвения. Они лишены исконного одиночества и ищут основание. Это – то единственное, в чем все они совпадают, где они вместе и что обязывает их на остаточную встречу (установление собора) под (над?) отцовской крышей.

Не имея возможности оставаться в «гнезде», братья Карамазовы автоматически лишились изначальной обоюдности, синхронности, согласованности и будучи «растасованными», стали однажды востребованными (посланными) судьбой на схождение, съезд, на то, что безусловно несет внутри себя разногласие. Оказавшись отброшенными отцом, братья, сквозь «выброс», стали «сошедшими», угодными для «соборания» (свода) под крышей отцовского дома. Таким образом, в конце концов, скрепляет детей не дом отца, нечто «безвкусное» (расползающееся), а смерть отца, нечто «грязное». При этом внешнему зрению видно, что сводит братьев горькое принуждение, то есть нужда восстановить себя в правах существ самодостаточных и тотальных. А так как «крыша» отцовского дома еще до приезда сыновей обернулась «потолком» – Алеше, Мите и Ивану пришлось попасть в раболепствующее и «худое» жилье, проходя сквозь адское происшествие. Стоит заметить, что злоключение, проявившееся как «отмысел»⁴ и разобщение детей, «обеспечило» огорчающее поправление отца – не должное

---

⁴ «Отмысел» – презрение, прекращение. К слову, у С.Трубецкого есть размышления о бедственности «отмысливания прочь». / См. подр.: Трубецкой С.Н. Основания идеализма // Трубецкой С.Н. Соч. – М.: Мысль, 1994. – 816 с.

игнорирование, а его несвоевременную кончину. Символом же последнего свидания «родственников» – есть безобразный дом и то отвратное «состояние»⁵, которое он содержит. Разжаривая сознание детей, и питая их ядом разврата, «наследство» отца неумолимо испепеляет, отравляя каждого причастившегося к родительскому «очагу».

Всю «тупиковость» человека, рожденного нежданно и негаданно, но оставленного жить исходя из принципа «пусть будет», передают образы всех детей Карамазова. Но выделяется ребенок, принявший правила игры отца и вопреки личной неуместности и «неудобности», не заботящийся о «постройке» собственного дома. Митя довольствуется достаточным наследством и томится борьбой за отведенную ему долю. Гленность человека, подверженного хаосу и вместо «прислушиваний» к посылам будущности, стремящегося к «прошлому», помогает уловить судьба Дмитрия Карамазова.

(окончание в № 38(51))

Литература:

1. Малахов В. Право бути собою / В. Малахов – К. : ДУХ і ЛІТЕРА. 2008. – 336 с. – ISBN: 978-966-378-080-1.
2. Хайдеггер М. Положение об основании / Мартин Хайдеггер Положение об основании. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999. – 294 с. – ISBN 5-89329-078-X.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т.– М. : «Правда», 1982. – Т. 11. – 624 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т.– М. : «Правда», 1982. – Т. 12. – 542 с.

УДК: 37.01:316.61

Чжан Сінь

Національний педагогічний університет імені М.П.Драгоманова

ОСВІТА ЯК ОДНА З ОСНОВНИХ КОМУНІКАТИВНИХ СКЛАДОВИХ СОЦІАЛІЗАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ

Соціалізація розглядається не як вертикальний тиск суспільства на особистість, а як горизонтальні взаємини комунікації між соціально більш досвідченими і соціально менш досвідченими особистостями. Проаналізовано низку механізмів соціалізації, що сприяють засвоєнню дитиною і людиною взагалі соціальних норм: примус, придушення, ізоляція, самообмеження, проєкції, ідентифікація, інтроєкція, емпатія, інтелектуалізація, раціоналізація, сублімація. Дія цих механізмів на особистість

---

⁵ К слову, в контексте сказывания под состоянием надо понимать не только особый расчет имущества, а неповторимость выражения, переживания происходящего.